

ЛОРА КАРТЕР

Пока
ложь
не
станет
правдой

Горячий шоколад. Зарубежная коллекция

Лора Картер

Пока ложь не станет правдой

«Азбука»

2024

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Картер Л.

Пока ложь не станет правдой / Л. Картер — «Азбука»,
2024 — (Горячий шоколад. Зарубежная коллекция)

ISBN 978-5-389-34148-7

«Пока ложь не станет правдой» – это уморительно смешная и одновременно трогательная история о любви к себе и о том, что искренность – самый верный ключик к счастью. За одну неделю жизнь тихони Эбби превратилась в кошмар. Парень, от которого она ждала предложения руки и сердца, признался в измене, а начальница настояла на ее увольнении. Решено: пришло время перемен. Перед уверенной в себе и острой на язык красоткой точно будут открыты все двери. Эбби тратит свадебные сбережения на аренду квартиры, о которой мечтала, подбирает соответствующий гардероб и обновляет соцсети. Теперь для окружающих она не серая мышка, а гламурная актриса. Осталось только вжиться в роль и найти того, кто согласится притвориться ее парнем на семейном празднике. Майк, нахальный спортсмен, живущий в пентхаусе этажом выше, идеально подойдет новой Эбби. Вперед! Нью-Йорк – город сверкающих огней, смелых амбиций и горячих интрижек, в нем исполняются самые дерзкие желания. Однако есть одно но. По иронии судьбы Майк тоже не тот, кем хочет казаться!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34148-7

© Картер Л., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

Глава 1. Эбби	7
Глава 2. Эбби	10
Глава 3. Эбби	13
Глава 4. Тед	18
Глава 5. Эбби	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лора Картер

Пока ложь не станет правдой

Laura Carter

FAKE IT 'TIL YOU MAKE IT

© Laura Carter, 2024

© Школа перевода Баканова, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

*Посвящается каждому, кто думал, что его полюбят, только если
он станет кем-то другим*

Глава 1. Эбби

Сегодня я наконец вернулась в Нью-Йорк после шести недель в Техасе, где вела аудит одного из крупнейших клиентов нашей компании. Ненавижу командировки! Я ужасная домохозяйка, и вечером после работы лучше возвращалась бы не в отель, а в маленькую квартирку, где мы живем с Эндрю, моим парнем. Переодевалась бы в домашнее, готовила бы то, что запланировала на конкретный день недели, а потом мы смотрели бы по телеку что-то из любимых передач. Да, обыденно, но разве плохо? Мы с Эндрю любим все привычное, а он вдобавок терпеть не может сюрпризы. Вот почему я так удивилась сегодня утром, на работе, когда от него пришло сообщение:

Я заказал столик в «Тиас» на восемь тридцать. Надо поговорить.

Обожаю «Тиас». Это мексиканский ресторан в Бруклине, совсем рядом с нашим домом. Совсем не модный, и по ценам средненький, но это первый ресторан, куда Эндрю меня сводил. Было это четыре года назад, когда я перебралась в Нью-Йорк из маленького городка в канадской Альберте, где мы оба выросли. И с тех пор на каждый праздник или юбилей заказываем столик в «Тиас» и идем отмечать.

Однако сегодня-то ни праздников, ни дней рождения.

Надо пересечься, написал он. И все, больше никаких объяснений. Окей, допустим, повод действительно есть: Эндрю хочет поздравить меня с возвращением домой. После шести недель, за которые мы ни разу нормально не пообщались, а только перебрасывались пропущенными видеозвонками. Та часть мозга, что рассуждает логически и преобладает над остальными, отчаянно цепляется за эту мысль.

Но когда я отвела Шернетт, мою лучшую подружку, в столовую и рассказала про внезапное свидание нынче вечером, она взвизгнула и заорала на пол-офиса:

– О боже, да! Свершилось! Сегодня он скажет те самые слова. Встанет на колени и преподнесет кольцо. Эбби, он позовет тебя замуж!

Так-то предпосылок не было. За шесть недель мы общались, наверное, меньше, чем за всю историю наших отношений. Скорее, сегодня он просто хочет вернуть их в привычную колею. Хотя не отрицаю: после воплей Шернетт я как в тумане, а в животе будто скачут резиновые мячики.

Нет, что-то тут не вяжется. Из всех моих знакомых Эндрю самый неимпульсивный. Это я знаю точно, поскольку и сама ужасно далека от импульсивности.

И все же... тонкий голосок в голове восторженно пищит: «О. Боже. Мой! В полдевятого в «Тиас»! Он позовет меня замуж!»

Мы будем помолвлены, я и Эндрю. Официальные отношения с идеальным мужчиной – есть. Карьера со стабильным доходом и хорошими перспективами – есть. Замужество до тридцати – будет. А если повезет, будет и ребенок до тридцати двух.

Из офиса я вышла около шести – вопреки обыкновению, но сегодня можно, учитывая обстоятельства. А сейчас уже без пятнадцати восемь, и я иду в ресторан. На мне темно-синее платье-скейтер с воротничком-бантом, одно из самых классных в моем гардеробе, и балетки.

Зал в «Тиас» маленький, всего двенадцать столиков. На стенах мексиканский декор: сомбреро, кактусы и все такое. Одну стену украшает роспись: матадор, взметнувший алый плащ перед быком.

Я пришла рановато, но меня все равно ведут за столик. Посередине стоит маленькая светодиодная свеча, а рядом крошечный кактус в горшочке. Он, в отличие от свечки, настоящий – знаю по опыту.

Официант подходит и спрашивает, хочу ли я заказать напиток или подожду своего спутника. Спутника. Какое безликое слово. Совсем не подходит для того, кто может скоро стать моим мужем.

Я заказываю «Маргариту» и стакан воды, просто чтобы немного успокоиться. Правда, это скорее не беспокойство, а предвкушение... Впрочем, трудно сказать. Да чего я так нервничаю-то? Речь же об Эндрю. О нас двоих. Все как надо, все правильно, что может пойти не так?

Нет, точно предвкушение.

А вдруг он все же просто решил порадовать меня после долгой разлуки? Пока что предложение руки и сердца – всего лишь фантазии Шернетт. А реальностью оно станет, только когда – и если – Эндрю преклонит передо мной колени.

Я смотрю в окно на многоквартирный дом напротив. Не самый шикарный в Бруклин-Хайтс, тем не менее наводит на мысль о серьезных карьерах и приличных доходах жильцов. А какой, наверное, вид с верхних этажей через Ист-Ривер на Нижний Манхэттен... Можно лишь догадываться.

Приходя сюда по торжественным случаям, мы с Эндрю сидели у этого самого окна и рассуждали, что же за люди живут там. Каких успехов они добились в жизни, раз могут позволить себе такое жилье. Вот куда мы с Эндрю мечтаем переехать – как только у нас на счетах будет достаточно денег. А ждать этого не так и долго: Эндрю стремительно продвигается по карьерной лестнице, а я, хоть и работаю младшим аудитором, уже знаю, какие перспективы ждут меня в компании.

Задумчиво глядя на дом, я вдруг вижу, как Эндрю идет ко входу в ресторан. Вид у него мрачный. Переживает? От этой мысли сжимается сердце. Я машу ему рукой, пытаюсь улыбнуться несмотря на тревогу. Не знаю, получилось или нет. Он протягивает руку и открывает входную дверь, другой рукой расстегивая пуговицы черного пиджака.

Эндрю вообще любитель строгих костюмов. Он высокий и худой, в пиджаке выглядит очень солидно. Зачесанные набок волосы жестко зафиксированы изрядной порцией геля для укладки. Самой мне больше нравится, когда с утра они еще взъерошенные, но я понимаю, почему он стремится показать опрятность и собранность. С гелем волосы держат форму весь долгий день в офисе, а это для Эндрю важно. Вот он и выглядит всегда так, как подобает серьезному финансисту.

Я привстаю ему навстречу. Так волнуюсь, что даже не знаю, поцеловать его или просто обнять? И он не знает. Странное приветствие, какое-то напряженное. Совсем на нас непохоже. Как и я, Эндрю терпеть не может показывать чувства на людях, но обычно при встрече мы хоть как-то выражаем нежность. А сейчас явно что-то не так.

О боже, это действительно вот-вот случится!

Сажусь обратно, делаю большой глоток только что принесенного коктейля и складываю руки на коленях, как на собеседовании. Чувствую себя... очень странно.

Снова подходит официант, и я заказываю еще «Маргариту». Эндрю отрицательно качает головой и отпивает воды из моего стакана. Выдыхает. Медленно, тяжело, неотрывно глядя мне в глаза. Я жду, затаив дыхание.

Когда он задаст свой вопрос? Прямо сейчас? Или после ужина? Сколько еще мы будем сидеть в этой напряженной тишине? Может, я сама должна что-то сказать?

Наконец Эндрю кашляет, прочищая горло. Ну вот, начинается.

– Эбби, я очень долго думал, как тебе сказать, и пришел к выводу, что идеального способа нет. Поэтому просто выслушай.

Господи, как его корежит. Даже жалко беднягу – весь извелся. Хочется сказать, чтобы не переживал. Мы вместе, и в какие бы слова он ни облек свое предложение, я отвечу «да». Не нужно длинных и цветистых предисловий о нас и наших отношениях. Достаточно просто спросить: «Ты выйдешь за меня?»

– Эндрю...

Он поднимает ладонь, заставляя меня умолкнуть. Как-то даже обидно, но спишем это на его состояние. Берет мой коктейль и залпом выпивает.

Да он же вообще не в себе...

Ставит бокал на стол, делает глубокий вдох. Все, момент настал.

– Эбби, я встретил другую.

А?

– Я не хотел, чтобы так вышло, не хотел причинять тебе боль, но все кончено. Между нами, я имею в виду, – он показывает пальцем на меня, потом на себя, – кончено.

Чего-чего?

Возвращается официант, я хватаю свой бокал прямо с подноса и впервые в жизни разом осушаю до дна. Официант не уходит, ошалело на меня уставившись. Я поднимаю руку с пустым бокалом, и он понятливо идет к бару за новым.

– Когда... кого... как... когда? В смысле «встретил другую»?

Эндрю пожимает плечами. Вот так запросто. Четыре с половиной года псу под хвост, а он, черт побери, пожимает плечами?

– Ее зовут...

Теперь уже я поднимаю руку, вынуждая его замолчать.

– Эндрю, мне плевать, как ее зовут. Ты с ней спал?

Ответ мне не нужен, все написано у него на лице.

– И давно это у вас?

– Познакомились несколько месяцев назад. Она работает на телевидении, приходила брать интервью у моего босса для программы «Доброе утро, Америка».

– Несколько месяцев?

– В тот раз мы просто обменялись телефонами. Честное слово, до твоего отъезда в Техас я с ней не спал.

– Как благородно с твоей стороны, – цежу я сквозь зубы. Тихо, чтобы не привлекать внимания посетителей.

– Ну, Эбби, перестань. Дело вовсе не в тебе. Бритни, она... так не похожа на тебя. Она совсем другая. С ней все по-новому. Все на драйве.

Подступают слезы. *Нет, нет, только не на людях, только не перед Эндрю...*

– Хочешь сказать, в ней есть все, чего нет во мне? – спрашиваю я. Как можно спокойнее, но сама чувствую: голос дрожит.

– Да. Нет. В общем... да. Ты, конечно, классная, но она... она особенная, понимаешь?

Официант приносит еще бокал «Маргариты». Толком не соображая, что делаю, я машинально встаю, беру его, выпиваю и отдаю обратно.

– Ты спал с ней в нашей постели?

Эндрю глядит на меня, словно Бэмби на трактор, что вот-вот его задавит.

Что я хочу сказать? «Да пошел ты к черту, грязный, лживый, никчемный кобель!»

А что делаю? Беру с пола упавшую сумочку и молча выхожу из ресторана, скользнув напоследок взглядом по «Блейк Хаусу». Выгляжу, наверное, смешно: вырядилась как почти невеста, а в итоге оказалась брошенкой. Прячусь в ближайший переулок – здесь пусто, только стоят зеленые мусорные баки. Прижавшись спиной к стене прямо возле вонючей помойки, я наконец заливаюсь слезами.

Глава 2. Эбби

Просыпаюсь я от шума блендера – Шернетт на кухне делает на завтрак смузи. Я лежу у нее на диване, где и проспала всю ночь. На мне до сих пор платье, которое я выбрала для особенного вечера. Когда должна была услышать предложение от мужчины, с которым так долго встречалась.

Собравшись с силами, сажусь. Глаза опухли и болят – то ли от слез, то ли от дневных линз, которые не сняла на ночь. А может, просто никогда еще так не напивалась, как вчера.

– Как самочувствие? – спрашивает Шернетт, протягивая мне стакан с зеленой жидкостью. – Вот тебе детокс-смесь.

Взяв стакан, я так смотрю на содержимое, будто там цианид.

– Если бы ты ограничилась коктейлями в ресторане, вечерней киношки под что-нибудь высокоуглеводное хватило бы, чтобы привести тебя в норму. Но у меня ты выдула еще почти бутылку красного вина, а это уже другой уровень, тут нужна экстренная детоксикация.

– Хуже-то все равно некуда, – морщусь я, внезапно осознав, что голова раскалывается, язык и зубы в мерзком налете, а шея ноет от жесткого дивана. – А самочувствие примерно такое: я одеревенела, отупела и ничегошеньки не соображаю.

Шернетт опускается рядом на диван, и мы сидим, прижавшись друг к другу, как горошины в тесном стручке, держим обеими руками стаканы со смузи.

– Отрезать бы ему хрен и скормить тараканам, – говорит она. О ком – и так понятно. И добавляет уже серьезнее: – Мне очень жаль, Эбби. Жаль, что все так вышло. И стыдно: я вчера навела суету, заставила тебя надеяться, что он правда сделает предложение. Если честно, Эндрю мне никогда не нравился, но ты была счастлива, и я радовалась за тебя.

– Не надо, Шернетт. Тебе не за что просить прощения. Я поплатилась за наивность.

Умолкнув, мы глядим в окно гостиной на кирпичное многоэтажное здание. Надо привыкать к этому виду, я ведь теперь бездомная.

– Неужели это правда со мной случилось?

– Что теперь будешь делать? – спрашивает Шернетт.

– Понятия не имею, – честно отвечаю я, продолжая глядеть в окно. – Пока ничего в голову не приходит. И вообще не очень понимаю, я еще пьяная или это уже похмелье. Или то и другое.

Поставив стакан на журнальный столик перед диваном, я опираюсь руками о колени, намереваясь встать.

– Значит, так: первым делом пойду пообнимаюсь с твоим унитазом. Потом одолжу у тебя какие-нибудь шмотки поневзрачней и весь день буду ходить, не поднимая головы. А потом примусь умолять, чтобы ты приютила меня тут, на этом диване, пока не найду жилье.

– Ну, шмотки и диван можно не считать. Это вообще не вопрос, оставайся, сколько надо.

Обожаю составлять планы. Еще бы они всегда претворялись в жизнь...

Ну ладно, зато у меня есть работа. Да, сегодня придется тяжело, но ничто так не успокаивает, как цифры и финансовые структуры.

* * *

Нет, утром у Шернетт я точно еще не протрезвела. Потому что сейчас, на работе, похмелье накатило по полной программе. В голове будто автосвалка, куда с грохотом сбрасывают новую рухлядь. Я сижу за своим крошечным столом, обхватив ладонями кружку с тройным латте и погрузившись в рабочую почту. Только бы начальница не заводила со мной никаких разговоров! Уйти с головой в бухгалтерский отчет – лучший способ на время забыть об Эндрю.

Но сегодня день невезения. Очень скоро на меня падает чья-то тень. Поднимаю опухшие глаза – Кассандра.

Моя начальница ходит на высоченных шпильках уверенно и эффектно и никогда не снимает туфли, сидя за рабочим столом – в отличие от меня, хотя мои каблукки гораздо ниже. Так же эффектно она держится и на посту партнера в нашей аудиторской фирме. И сейчас нависает надо мной, опустив ладони на перегородку между столами. Маникюр у нее всегда безупречный, а укладка идеальная – и это несмотря на бешеную нагрузку.

– Зайди ко мне, пожалуйста. Грег тоже позови.

Мы заходим. Кассандра стоит у окна – вид из него на Нижний Манхэттен просто сногсшибательный. Впрочем, сейчас, судя по суровому лицу, ей не до любования.

Закрыв за собой дверь, мы опасливо подходим к ее столу, морально готовясь получить нагоняй. За что – непонятно, и от этого еще страшнее. Грег отодвигает один из стульев, намереваясь сесть по другую сторону, прямо напротив шикарного кожаного кресла Кассандры. Но та, резко обернувшись, бросает:

– Садиться не обязательно.

Я молча злорадствую. Этот Грег выше меня по должности, отчего вечно задирает нос. А теперь вот пятится, бледнея на глазах. Видно, нервничает не меньше меня.

– Вчера вечером я отправила техасскому клиенту финальный отчет по аудиту, – начинает Кассандра. – Он переслал этот отчет напрямую основным акционерам. Из-за того, что вы, разгильдяи, не сдали документ вовремя, я сама не успела его тщательно просмотреть. Пробежалась по заключениям, понадеявшись, что двое профессионалов никак не могли ошибиться с основными цифрами.

Что-что? Да я эти цифры сто раз проверяла! А потом еще попросила Грег глянуть, и он не внес никаких изменений.

Желудок проваливается куда-то очень глубоко. Я так торопилась скорее сдать отчет Кассандре, что не дождалась, пока Грег его полностью просмотрит.

К горлу подступает тошнота. Уже не первый раз за сегодня.

– Итак, кто из вас напортачил с цифрами?

Меня много в чем можно упрекнуть, но только не во лжи. Я всем сердцем ненавидела лгунов до вчерашнего вечера, а теперь ненавижу еще больше.

– Кассандра, цифры мои. Не понимаю, откуда могли взяться ошибки. Тем не менее Грег, когда смотрел отчет, ничего не исправил. Так что вина моя.

Я не слишком люблю Грег. Честно говоря, терпеть не могу, однако платить за свои ошибки буду сама. Грег, надо отдать ему должное, пытается возражать, но я перебиваю:

– Не надо, ты здесь ни при чем. Ты и так мне одолжение сделал, согласившись все проверить.

– Можешь идти, – кивает ему Кассандра.

Грег сочувственно косится на меня, не скрывая, впрочем, облегчения.

Дверь за ним закрывается. Одно хорошо: коллеги ничего не услышат.

– Вчера вечером техасцы нас отстранили, Эбби. Послали куда подальше. Крупнейшие мои клиенты! Теперь мне придется ползать перед ними на брюхе, умоляя вернуться к нам. А если не выйдет – объяснять руководству, почему мы потеряли такого выгодного заказчика.

– Кассандра, мне ужасно жаль. Я правда не понимаю, как...

– Хватит, Эбби. Проявлять себя надо было раньше. Я очень зла и разочарована, а это пагубное сочетание.

Понятно, что меня ждет. В любимом деле, единственном, которым хочу заниматься, я, оказывается, полный профан. Эта мысль проносится в голове, и я, чтобы не оттягивать неизбежное, сама говорю:

– Мое заявление по собственному желанию будет у вас на столе через час.

И, выскочив из кабинета, несусь в туалет. Меня сейчас вырвет, не знаю только, от чего именно – от перебора с алкоголем, от предательства, от своей никчемности или от полнейшего непонимания, как жить дальше.

Всего за двадцать четыре часа рухнуло все, что было мне дорого. Из идеально выверенного плана жизнь превратилась в тотальную катастрофу.

Глава 3. Эбби

Три недели спустя

– Ди, прошу тебя, скажи, что я не совершаю ужасную ошибку.

Мы с младшей сестрой стоим на тротуаре снаружи «Блейк Хауса» – здесь, в квартире 7Б, я теперь буду жить. Картонная коробка, набитая одеждой, уже начинает оттягивать руки, но я, не двигаясь с места, продолжаю глядеть на стеклянную входную дверь, в которую так мечтала когда-нибудь войти.

– Нет. Не совершаешь, – отвечает сестра.

Улыбка у нее радостная, под стать солнечно-желтому платью. Но я-то знаю: в глазах под темными стеклами очков таится насмешка.

– Нет, скажи честно. Разве это не худшее мое решение?

– Нет, Эбби Митчелл, не худшее. И потом, как это возможно, когда оно не твое, а мое?

Она снова прикалывается. Я давным-давно привыкла: Ди смеется надо мной с самого своего рождения. Просто сегодня мне нужны сочувствие и поддержка, а не насмешки и остроты.

Ловлю себя на том, что закусываю губу – как всегда, когда нервничаю.

– Мама с папой убьют меня, как думаешь?

– Да ну, ты всего лишь выкинула все сбережения на аренду квартиры за полгода. Вот если бы ты разрушила мамину мечту выдать тебя за идеального парня, который станет ей вождь-ленным вторым сыном, если бы похерила свой список «сделай до тридцати» – другое дело. Хотя погоди-ка...

– Ди! Не сыпь соль на рану. С тех пор, как мы с Эндрю расстались, мама со мной и словом не обмолвилась. Без разочарования в голосе, по крайней мере.

– Может, потому что ты не рассказала родителям, что случилось? Что этот лживый, неверный ублю...

Если бы не коробка, я бы зажала ей рот.

– Спасибо, можешь не продолжать. Но вываливать эту грязь перед всеми я не буду. И заикливаться тоже не хочу, что сделано, то сделано.

Ди чуть опускает очки и вскидывает брови, словно строгая учительница.

– Ну, конечно, фигня какая. Родителям не стоит и рассказывать, да?

С сестрами, особенно если они переехали вслед за тобой из провинции Альберта в Нью-Йорк и слишком много ночей проспали у тебя на диване, есть одна проблема: они тебя знают гораздо лучше, чем хотелось бы.

Я не собираюсь возвращаться к Эндрю. Ни в коем случае. Ни за что.

Он нашел другую.

В конце концов, уж капля-то самоуважения у меня есть.

Однако родителям моим какой смысл его ненавидеть? И почему я должна признаваться, что не сумела его удержать?

– И потом, – Ди обнимает меня за плечи, – как только я сообщу, что залетела от приятеля-актера, с которым даже не встречаюсь, мне понадобится громоотвод.

– А-а, ясно. Мама с папой должны услышать нечто такое, что разозлит их сильнее новостей о незаконнорожденном ребенке. Не очень хорошая мысль, мягко говоря. Точнее, ужасная. Они ведь ярые католики, забыла?

– Вот благодаря их воспитанию мы с Бреттом и не предохранялись, – невозмутимо отвечает Ди.

Я фыркаю со смеху, хотя дело серьезное.

– Никак не могу поверить, что ты станешь мамой.

– Я тоже. Скажи, круто?

Какое легкомыслие. Остается надеяться, что она еще не осознала серьезность своего положения, потому что иначе становится страшно.

– А Нейту уже сказала?

Наш брат Нейт – преуспевающий архитектор, у него есть жена и двое детей. Всего этого он добился к тридцати двум годам. Родители его просто обожают, и претензия у них только одна: слишком редко видятся.

Наш умница Нейт всегда та-ак занят!

Ди младше меня на четыре года, в прошлом году окончила театральное училище. У нее ветер в голове и обычно ни гроша в кармане. Но она-то вот занимается продолжением рода, в то время как я рушу все, к чему стремилась с юности.

– Не-а, – беззаботно отмахивается Ди. – Как раз хочу потренироваться на нем, прежде чем говорить родителям. Ты, кстати, пойдешь с нами на ужин? Нейт платит.

– Может быть, если прекратишь свои шуточки.

– Спасибо! – Чмокнув меня в щеку, Ди направляется ко входу в мое новое роскошное жилище. С пустыми руками, напрочь игнорируя гору вещей. И бросает, оглядываясь через плечо: – Тебе все равно теперь заняться нечем – ни парня, ни работы.

Вообще она права.

Я иду следом. Ди ждет, придерживая входную дверь, но тут у нее в кармане платя звонит телефон. Она достает его, беззаботно щебечет в трубку: «Приветик!» Дверь захлопывается.

– Ди! – Я поудобнее перехватываю тяжеленную коробку. В этом вся моя сестрица. Нет, я ее очень люблю, но какая же она эгоистка!

Пыхтя, упираюсь спиной в створку стеклянных дверей и пытаюсь открыть вторую. Другой рукой придерживаю коробку, которую пристроила на колено. Пихаю дверь задом и вдруг теряю равновесие. Варианта два: либо шмякнуться на пол, либо выпустить коробку.

Она падает, какие-то шмотки вылетают наружу.

– Да блин! – Я аж ногой топаю от досады. Иначе разревусь, слишком уж много за сегодня навалилось. – И какого черта я тут делаю?

Это далеко за пределами моей зоны комфорта. Я вовсе не яркая и не импульсивная. Что бы там Ди ни советовала, я не способна врать близким в надежде, что ложь обернется правдой.

Коробка валяется на полу посреди россыпи шмоток. Я смотрю на нее, протяжно фыркаю, качаю головой и уныло опускаю плечи. Мне позарез надо стать такой, как говорит Ди, иначе зачем это все? Зачем было тратить свадебные сбережения на шикарную квартиру, которую я на самом деле не могу себе позволить?

– Вот и я себя спрашиваю, – раздается вдруг мужской голос.

Вскидываю глаза от огромных уютных трусов, которые лежат на самом верху кучи – их я обычно надеваю во время месячных – и вижу светло-русую макушку мужчины, который присел помочь мне собрать выпавшие вещи. А под руку ему попались эти гигантские трусы!

– О боже! Ну что вы, не надо...

А он, держа в руке трусы – телесного, чтоб их, цвета! – поднимает голову и смотрит на меня из-под темных очков.

Солнечные лучи падают прямо на него, и под стеклами видно широко раскрытые глаза. Лицо почти нереально красивое – волевое, жесткое, мужественное. И все же в его чертах, в оттенке кожи, в мимических складках у рта проглядывает какая-то мягкость, отчего незнакомец кажется... милым, что ли. А волосы явно не укладывал – они взлохмачены и выглядят чуть неряшливо. Ему идет.

Наконец соображаю: этот красавчик держит в руках самый отвратный предмет одежды, какой у меня только есть.

Выхватываю у него бежевую тряпочку, пихаю в коробку.

– Это пижамные, – бурчу я, надо же объяснить, зачем такие панталоны кому-то, кроме беременных и пожилых. От стыда слова застревают в горле. Никто и никогда не должен был увидеть эти трусы! А уж тем более симпатичный парень, который...

Ого!

Он встает, выпрямляясь во весь рост. Выше меня. Длинный, но не худосочный. Наоборот, мускулистый и крепкий. Рукава белой футболки туго обтягивают мощные бицепсы – не как у Дуэйна Джонсона, а скорее как у Криса Хемсворта.

Ничем не напоминает моего бывшего – стройного, почти тощего. Мне тощие больше нравятся.

И нечего этому мистеру Качку хватать мои менструальные трусы!

Ладно, допустим Ди права: реально стоит потратить часть денег на новую одежду. Если уж я решила притворяться успешной и шикарной до тех пор, пока реально такой не стану, гардероб нужен под стать новой роскошной квартире. Девушка, живущая в квартире 7Б в «Блейк Хаусе», просто *не может* носить трусы до ушей.

Я бросаюсь поднимать коробку с пола.

– Лучше я. – Незнакомец тоже наклоняется.

– Нет! – рявкаю я. – Сама возьму.

Просто не смотри на меня больше. Прошу.

– Ну, давайте хоть дверь открою.

– Спасибо, – киваю я. Щеки горят огнем.

Пожалуйста, только не говорите, что он здесь живет!

Ага, размечталась. Захожу внутрь, и мистер Качок следом.

Если бы не коробка, бегом рванула бы по лестнице в свою квартиру. Тормознула бы лишь прибить сестру, по чьей милости попала в такое дурацкое положение.

Но коробку никуда не денешь, а значит, придется ехать на лифте. Пытаюсь нашарить кнопку вызова, а незнакомец тут как тут.

– Я нажму.

Темные очки он снял, и за ними обнаружились добрые голубые глаза с тонкими, едва заметными морщинками в уголках.

Бормочу «спасибо» и, крепко зажмурившись, шагаю в лифт. Пока не закрылись двери, осторожно приоткрываю один глаз. И вижу: он, ничуть не смущаясь, покачивает моими здоровенными трусами, которые нацепил на палец.

– Вы забыли.

Убейте меня кто-нибудь.

Уронив коробку, выхватываю у него злополучное белье и яростно жму кнопку закрытия. Наконец двери послушно начинают съезжаться. А этот тип не смеется над моими труселями, даже не ухмыляется. Нет, он преспокойно открывает почтовый ящик квартиры 8В, будто и не замечает моего смущения.

Наконец я захожу в свое новое жилище. Ди, распахнув двойные двери, вышла на французский балкон и стала любоваться видом. Оборачивается, когда я, нарочито тяжело вздохнув, ставлю коробку на пол и начинаю обмахиваться краем футболки, потому что вся взмокла.

– Ну разве такое может наскучить? – вопрошает она, снова глядя через Ист-Ривер в далекий горизонт.

Раздражение тут же испаряется, и я вспоминаю, почему так долго облизывалась на квартиру в этом доме. Вид просто невероятный. Даже отсюда, из глубины гостиной, видно, как пляшут на водной глади солнечные лучи. Как по реке снуют моторные лодочки и медленно

идет прогулочный катер. Небо ясное-ясное, и почему-то кажется, что здесь, в этой квартире, мне непременно откроются какие-то возможности. Что еще не все потеряно.

Но дело не только в виде из окна. Здесь все именно так, как я хотела. От кремовых стен и идеально гладкого паркета до бледно-розовых подушек на бежевом кожаном диване и дубового стола-сундука со стеклянной столешницей. От белоснежной кухонной мебели и черной гранитной стойки до навороченного смесителя, который предлагает на выбор холодную и горячую воду, с газом и без газа.

В коридоре на стенах висят абстрактные картины – масло и акварель, я их запомнила, когда смотрела квартиру. В главной спальне широкая кровать, новехонькая и очень изящная. На ней, убеждаю я себя, будет здорово спать, морской звездой раскинувшись во все стороны. Очень просторно и удобно, а вовсе не пусто и не одиноко.

К спальне примыкает ванная, слишком большая, чтобы ее могла себе позволить девушка вроде меня: безработная, которой сдали эту квартиру на условиях оплаты за полгода вперед. Раковины две, и я стараюсь не смотреть на ту, которая предназначена «для него». Вместо этого прикидываю, куда поставлю туалетные принадлежности. Зубную щетку – вот сюда, и рядом с ней никакой тип не впихнет свою, старую и разлохмаченную. Кроме душевой кабины, тут есть еще и ванна. Ванна!

В предвкушении двигаюсь дальше, захожу в гардеробную с диваном. Такую просторную, что вполне сошла бы за вторую спальню. Но мне вторая не нужна – у меня ни мужа, ни детей. Ни привязанностей, ни обязательств. Некого улаживать, кроме себя самой.

* * *

Сейчас полвосьмого вечера. Сестра отчалила около трех, не потрудившись помочь мне с вещами. Нет, я бы не заставила беременную таскать тяжести, однако суть не в этом: в положении или нет, Ди и пальцем не пошевелила бы. И все же люблю сестренку за то, какая она есть, со всеми недостатками.

Одежду я развесила в гардеробной – она такая огромная, что вещей получилось как-то униженно мало. Обувь аккуратно выставила в ряд на специальной полочке, и ее тоже как-то маловато, не как в «Сексе в большом городе». Скорее уж как в «Теории большого взрыва».

Оставшись одна, выдохшись после всех хлопот, я включила ноутбук и теперь смотрю документалку о высадке НАСА на Луну. Заказала себе пиццу с курицей и песто, а еще мороженое с арахисовым маслом, чтобы развалиться со всем этим на моей шикарной огромной кровати. Но вот странно: я вовсе не развалилась, а лежу аккуратно на одной половине, словно вторую вот-вот займет кто-то другой. А все радостные мысли о новой свободной жизни, о предстоящем летнем отрыве, который я успела навоображать, внезапно развеялись.

Я выложила какую-то дикую сумму, чтобы притвориться гламурной городской цыпочкой. А теперь сижу в старой футболке и шортах на кровати, застеленной хлопчатобумажным бельем в турецких огурцах. Ну точь-в-точь девчонка, которая четыре года назад уехала из Альберты.

Интересно, Эндрю сейчас один? Встречается ли он еще с той, с которой мне изменил? С той, кого Ди вычислила, как следует прошерстив по моей просьбе социальные сети?

Телефон лежит прямо под рукой на покрывале. Я могу ему позвонить. Просто так.

Но зачем? Зачем мне звонить Эндрю?

Он же *переспал с другой*.

Вот только... кажется, что наша с ним история еще не кончилась.

Эндрю все любили. Он был идеальной парой для меня. Пока не выяснилось, что это совсем не так.

Однако все продолжают его любить – я ведь никому, кроме Ди и Шернетт, не сказала, что случилось. И поэтому для всех он по-прежнему мой идеальный суженый.

Тупо пялясь в экран, стараюсь мыслить позитивно, как велели сестра и лучшая подруга. В конце концов вымучиваю одну-единственную условно радостную мысль: я, по крайней мере, не космонавт, застрявший на Луне без припасов и связи. Со вздохом закрываю ноутбук и кладу под кровать, заодно еще раз проверяя, на месте ли спрей, отпугивающий медведей (да-да, можно вывезти девушку из Канады, но...), и устало откидываюсь на подушку. Если не знаешь, что делать, ляг поспи – так всегда говорит папа. Сейчас я усну, а завтра будет новый день. Гораздо более приятный, поскольку не придется таскать тяжелые коробки из машины в новую дорожную квартиру.

Глаза начинают закрываться, подступает дрема, и вдруг...

Бумм, бумм, бумм.

Что за нафиг?

Откуда-то сверху доносятся ритмичные удары, словно там со всей силы бьют чем-то о стену.

Бумм. Бумм. Бумм.

Глава 4. Тед

Я захожу в квартиру 8В, сжимая в руке пачку рекламных листовок и пару писем – наверное, от фанатов. Сгружаю на столик в прихожей и включаю кондиционер. Без него никак: здесь, в одном из двух пентхаусов верхнего этажа, нет зеркальных стеклопакетов.

Скинув кроссовки, шлепаю в просторную гостиную моего братца и опускаюсь на диван: нереально удобный, но слишком уж здоровенный. Сейчас утро понедельника, я прилетел из Сан-Франциско сорок восемь часов назад и, наверное, уже в миллионный раз спрашиваю себя, теперь вслух:

– Что я здесь делаю?

Откинув голову на мягкую кожаную спинку, провожу ладонями по волосам, тупо пялясь на встроенные потолочные светильники.

Может, не надо было сдаваться? Или попытка удержать невесту – дело заведомо безнадежное?

Три дня назад казалось, что у меня есть все. Красавица-невеста, совместный бизнес, активно развивающийся в Кремниевой долине – и лучший друг, надежный союзник, на которого всегда можно положиться.

Я ошибался по всем пунктам.

В кармане жужжит телефон, мелодия звонка несется из всех настенных динамиков. Достая его из кармана, провожу по экрану пальцем.

– Птенчик! – грохочет в просторной гостиной голос брата.

– Привет, ты на громкой связи. Очень громкой, – говорю я, стараясь загнать подальше мрачные мысли, чтобы голос меня не выдал.

– Удобно, скажи? – весело отвечает Майк. – Особенно когда нужны свободные руки. Ну, как ты там? Еще в домике или готов поделиться своими горестями?

Я выпрямляю спину. Потом наклоняюсь вперед, уперев локти в колени и опустив лицо в раскрытые ладони.

– Первое. Ты-то, надеюсь, никому не сболтнул?

– Нет, малыш, это не мое дело. Но слухи так или иначе разползутся, это вопрос времени, только и всего.

– Да понятно. Просто хотелось успеть более-менее переварить все это.

– Ну, от меня точно никто не узнает. Я вообще звоню убедиться, что ты там не пожираешь бутерброды с джемом в эквиваленте собственного веса.

Мой взгляд скользит по кухонной стойке: там лежит буханка белого хлеба и стоит литр клубничного джема.

– Майк, мне не пять лет, – отшучиваюсь я, чтобы не врать совсем уж нагло.

– Ну-ну. А еще хотел предупредить, что в четыре придет клининг, так что отлепи от пола свои носки и спрячь куда-нибудь.

Усмехнувшись, качаю головой. Ему все-таки удалось меня развеселить.

– Я у тебя всего третий день и пока до такого состояния не дошел.

Смех Майка прерывают короткие гудки в динамиках – связь оборвалась. Значит, надо самому думать, как быть дальше. День только начался, и можно засесть на диване, поглощая бутерброды с джемом. А можно взять какой-нибудь из Майковых коллекционных бейсбольных мячей с автографами и стучать им о стенку до тех пор, пока в голове не иссякнут мысли.

Поднимаюсь с дивана, иду к стеллажу и выбираю тот, что подписал печально известный Барри Бондс, бывший левый полевой «Сан-Франциско Джайентс». Эти данные я почерпнул из крошечной таблички – брат снабдил такими каждый мяч в своей коллекции. Большую их

часть он собрал по завершении игровых сезонов, а остальные купил на аукционе – например, мяч с автографом Бейба Рута.

Мой брат – кетчер «Сан-Франциско Джайентс». Последние три года играл в основном составе, недавно получил травму плеча и вылетел на четыре месяца. Восстанавливался тяжело, и после нескольких рецидивов врачи велели еще два месяца лечиться.

Зарабатывает он очень неплохо, так что может себе позволить запасную квартиру в Нью-Йорке. Она-то и стала моим нынешним убежищем.

Мы с Майком похожи как две капли воды. Сколько раз нас спрашивали, не близнецы ли мы... Интересно, он выглядит моложе своих тридцати шести – или, наоборот, я кажусь старше?

На самом деле я младше на четыре года, и большую часть детства был в его тени, не дотягивал до невероятных спортивных высот, которых достигал он. Нет, я не полный ноль в бейсболе, просто не смог бы, как Майк, играть в Высшей лиге. Ну а когда вырвался наконец из-под лучей его славы, то понял, к чему меня тянет. И погрузился в науку, аналитику и технологии.

Как бы мы ни были похожи внешне, по натуре абсолютно разные. Майк – завзятый спортсмен, настоящий атлет. А я – ботан, помешанный на айти. Вот сейчас, например, разрабатываю аналитический софт нового поколения.

И всего трое суток назад делал головокружительную карьеру. А теперь толком не знаю, как пережить очередной день.

Сижу, трескаю вредный, но вкусный бутерброд и думаю: может, все-таки постучать мячиком о стену, порадовать организм? Раз этак двести пятьдесят, плюс по одному за каждый пропущенный. Это больше чем вдвое превышает норму, которую я выдал вчера, стараясь победить бессонницу. Но как закончу, проверю-таки почту. Честное слово.

Бумм – поймал. Бумм – поймал. Бумм – уронил. Бумм. Бумм. Бумм.

Ударе на сто семидесятом я сбился со счета. Монотонные движения сделали свое дело – вроде успокоился. Да и бутерброд был к месту.

С неохотой открываю с телефона рабочую почту. Ну конечно, множество строк издевательски жирным шрифтом: непрочитанные письма. Их скопилось больше трехсот с того самого момента, как я зашел после работы в кабинет к партнеру и увидел, как тот сношает мою невесту. Даже не знаю, что бесит сильнее: море писем или то, что Роумэн, мой бывший лучший друг, ведет наши дела так, словно ничего не случилось.

Полный мудак...

Мы начали вместе кодить еще в университете и десять лет были не разлей вода. Но эти годы дружбы, видно, значат для него очень мало. Меньше, чем секс.

Возвращаюсь к стеллажу, беру другой мяч с автографом, на этот раз Бастера Поузи – и со всей силы швыряю через гостиную.

Ну, класс. Теперь еще заделывать чертову дыру в стене. Прямо вишенка на торте.

На пару самых срочных писем я ответил: «Прошу прощения, напишу позже», и моя ассистентка, видно, заметила исходящие. Из гигантских динамиков несется ее особый рингтон, означающий «срочно возьми трубку».

– Привет, Мэл, – здороваюсь я и умолкаю. Не знаю, что сказать, и не хочу знать, разошлись ли уже сплетни. Я – частное лицо и живу вполне спокойной жизнью, но я брат бейсболиста из Высшей лиги, сооснователь одной из самых успешных молодых айти-компаний на западном побережье, а моя девушка – модель, у которой множество подписчиков в соцсетях. Так что Майк прав: рано или поздно слухи поползут.

– Тед! Наконец-то! Два дня не могла до тебя дозвониться, не отвечаешь. Ты куда пропал?

– Прости, была проблема со связью.

Ага, называется выключенный телефон.

– Ну, как там у вас дела?

– Как дела? – озадаченно переспрашивает Мэл. За все время, что мы работаем вместе, я, наверное, впервые вот так испарился. С самого запуска «Вэнгард Ред Технолоджиз» даже отпуска ни разу не брал. – Тед, ты исчез, и никто не знает куда. Роумэну пришлось тебя заменить на трех последних совещаниях.

– Заменить меня? Да уж, у него хорошо получается.

– Партнеры, которые назначили встречу, были недовольны твоим отсутствием, поэтому нам неплохо бы знать, куда ты делся.

Мэл права. Прогуливать я не привык, и вообще это глубоко непрофессионально. Ну как я мог забить на работу и партнера по бизнесу? О чем только думал? Ах, да: о том, как этот самый партнер трахает мою невесту.

– Понимаю. В офисе не появлюсь еще несколько дней, но на связи буду постоянно. Так что можешь сказать Роумэну... – черт, даже имя противно произносить, – что больше не нужно меня подменять.

Несколько долгих секунд Мэл молчит.

– Вы с ним поругались? Как в прошлый раз, когда он без спросу занял самый большой кабинет в новом офисе?

Она еще не знает. Забавно: как раз это и случилось. Роумэн опять отнял у меня кое-что. Не просторный кабинет, а нечто гораздо более важное.

– Да вроде нет. А ты чего хотела-то?

Надо будет продумать, что отвечать на такие вопросы, пока я еще не готов обнародовать кризис в своей личной жизни.

– У тебя завтра интервью с «Джи Кью», их корреспондент приедет к нам в офис. Подтвердишь встречу? Или ты вообще не в штате?

Блин, «Джи Кью». Совсем забыл.

– А перенести нельзя?

– Уже два раза переносили. Статья должна выйти в следующем номере.

Блинский блин. Мало того, что журналисты заинтересовались моей жизнью, так еще придется самому посвящать их во все подробности. Но это интервью важно для компании, и пока я не решил, как буду дальше работать с Роумэном, надо держать фасон. Прежде всего потому, что компании нужно засветиться в популярном издании вроде «Джи Кью» – на крайний случай, если дойдет до ее продажи.

– Погоди-ка, у «Джи Кью» вроде есть офис в Нью-Йорке?

Мэл стучит по клавишам и через несколько секунд отвечает:

– Ну да, есть.

– Здорово. Можешь им позвонить и сказать, что я готов дать интервью там? Пусть напишут мне напрямую, я сообщу адрес.

– В Нью-Йорке? Ты что, в Нью-Йорке?!

– Мэл, пожалуйста, не надо вопросов. Просто сделай, как я прошу, окей?

– Конечно, босс.

– Спасибо. Да, и еще: то, что я в Нью-Йорке, – информация строго конфиденциальная. Это означает, знаем только я и ты. Никому больше не говори – ни Флер, ни Роумэну. Хорошо?

Тишина. Я прямо чувствую, как Мэл переходит из режима «подчиненная» в режим «подруга».

– Буду молчать как рыба... Тед, ты в порядке? – спрашивает она.

В порядке? Я словно вылетел в открытый космос – ни гравитации, ни двигателей, ни малейшего понятия, как вернуться в прежний мир, что окружал меня всего несколько дней назад.

– Да, все хорошо.

В квартире снова тишина. И в этой тишине я, морщась словно от боли, гляжу на изуродованную стену. Чувствую себя примерно так, как она выглядит: в самом центре пробита дыра. И для полного счастья надо готовиться к беседе с «Джи Кью». А значит делать то, что я ненавижу больше всего на свете. Ходить по магазинам, потому что из одежды у меня лишь футболки с шортами да кроссовки.

Глава 5. Эбби

Как по мне, куда угодно лучше добираться пешком, чем на метро, но от Бруклин-Хайтс до «Блумингдейлс» идти слишком далеко, а Ди и Шернетт будут ждать именно там. Поэтому я выбрала золотую середину и доехала от станции «Корт-стрит» до Юнион-сквер. Вышла и теперь иду пешком. Свежий воздух и выпитый по пути кофе меня буквально исцелили, а ведь с утра готова была загрызть кого угодно: полночи слушала грохот из квартиры сверху, а потом проснулась ни свет ни заря. Мало того: пока собиралась, включила радио – и что же услышала? Конечно, *Better Together* Джека Джонсона. Как будто сама вселенная настроена, чтобы Эндрю, так его растак, не шел у меня из головы. *Better Together* – одна из «наших» песен. Какой-то одной особой песни у нас не было, но от этой я каждый раз вспоминаю, как мы в Канаде катались по Национальному парку Банф и даже выбирались в Британскую Колумбию. Я бы, конечно, лучше пешком прошлась по всем этим местам, но Эндрю больше нравилось ходить в фитнес-центр, чем в походы, вот мы и любовались красотами, не вылезая из машины. Хотя я не раздумывая предпочла бы тесному, пропахшему потом залу вылазку в Скалистые горы.

Защелкиваю крышку пустого термоса из-под кофе и пихаю его в сумку-торбу. Широко зеваю, прикрывая рот ладонью, и тут вижу Ди с Шернетт: они машут мне от дверей «Блумингдейлса».

Сестра, сложив руки рупором, вопит:

– По магази-и-инам! Готова?

Я в ужасе озираюсь вокруг. Удивительно, все как шли, так и идут по своим делам: на работу или за покупками, поглощая на ходу дозы кофеина. Вот он, старый добрый Манхэттен – удар меня прямо сейчас молния, никто и не заметит. А дома, в Канаде, если тебя бросил почти жених, это волнует всех и каждого, от твоей мамы до дальней родни продавца в местной лавке, которого ты видишь раз в полгода.

– Готова, – отвечаю я, подходя к ним, – только обещаю больше такого не вытворять.

Ди скептически оглядывает мой мешковатый комбинезон и стоптанные сандалии.

– Смотрю, принарядилась. Молодец какая.

Мрачно зыркнув на нее в ответ, я обнимаю подругу.

– Вот тебе спасибо, что ради меня отпросилась с работы в понедельник. А то в дрожь бросает, как представлю шоппинг в выходные.

– Упустить шанс приодеть лучшую подружку и потратить кучу денег? Ну уж нет! – говорит Шернетт, и я улыбаюсь.

– А вот тебе никаких обнимашек, – оборачиваюсь я к сестре. Глажу ее по животу и добавляю: – Только тебе, любимый племянничек.

– Мы же еще не знаем, мальчик это или девочка.

– Ну, учитывая, что девочки рождаются от материнского стресса, а ты у нас вечно на расслабоне, будет мальчик.

Глаза у Ди прямо сияют. Она кладет ладони на живот, пока еще совсем плоский.

– Мальчик, значит?

«Ваших родителей удар хватит», – взглядом говорит Шернетт.

И она чертовски права.

– Ну что, на этой радостной ноте пошли меня мучить? – предлагаю я, и мы направляемся внутрь. Я придерживаю дверь, и сестра, проходя мимо, говорит:

– Кстати, о расслабоне: в четверг мы ужинаем с теми, кто понятия не имеет, что это такое. Мередит, когда закажет столик, скинет адрес.

Мередит. Жена Нейта. Значит, будет какое-то пафосное местечко – ну и ладно, раз Большой Брат платит.

Народу здесь все же больше, чем хотелось бы – нескончаемый поток туристов делает свое дело. Но все же не дикие толпы, как в выходные. Едва мы ступаем на свежие черно-белые плитки пола, как меня окутывает смесь запахов: дорогие духи и кожа дизайнерских сумок.

– Ну, что идет первым номером? – спрашиваю я, оглядываясь на своих имидж-консультантов. Сама сказала бы «Магнолия Бейкери», но чувю, это неправильный ответ.

Переглянувшись, девчонки в один голос говорят:

– Шмотки на каждый день!

И устремляются вперед: Шернетт в ярком платье-шифт, Ди в бохо-комбинезоне. Я тащусь за ними в своих мешковатых штанах, за которые теперь стыдно.

Подходим к эскалатору, и Ди объявляет:

– Так, через два часа у нас косметолог, потом макияж, так что надо поторопиться.

Два часа мерить шмотки? Б-р-р.

Новый образ. Новая я. Вот о чем нужно думать. Новая я.

Стану гламурной, востребованной и найду классную работу... или хоть какую-нибудь, сейчас любая сгодится. И буду наконец соответствовать уровню «Блейк Хауса».

А этот эскалатор пусть станет символом подъема к новому, амбициозному образу. Расправив плечи, я схожу с верхней ступеньки и почти сразу оказываюсь в бутике «Ральф Лорен».

Первые три вещи отмечаю, едва скользнув взглядом по ценникам. Потом думаю: нет, так не пойдет. Ориентироваться нужно не на цены, а на внешний вид, иначе вовсе ничего не куплю. Скоро у меня на левом локте висят две пары элегантных брюк, а в правой руке строгая голубая рубашка.

Вдруг откуда-то сзади возникает Шернетт.

– Так, это слишком унылое, это тоже. И это. – Она все у меня забирает и складывает на ближайшую одежную стойку. – Точно такие же шмотки, в каких ты ходила на работу – только дороже. А ходить надо вот в чем! – Она помахивает твидовым костюмом из мини-юбки и жакета. Лаймовых с розовым!

– На биржу труда разве что, – вздыхаю я, касаясь ткани кончиками пальцев. Что есть, то есть: дорого даже на ощупь.

Шернетт улыбается, склонив голову набок:

– Нет, на новую крутую работу, которую ты найдешь, когда поймешь, к чему тебя понастоящему тянет.

– Да меня вообще-то всегда тянуло к цифрам – и продолжает. И к методам финансовой экспертизы, и к новейшим аналитическим программам. Но ничего в этом я не смыслю, судя по тому, с какой должности меня уволили.

– Ты лучше считай это не увольнением, а освобождением, – возражает Шернетт. – Теперь для тебя открыт весь мир. А список свой ты вмиг выполнишь... ну, за полгода уж точно, потому что иначе так и останешься безработной, бездомной и одинокой. А этот комплектик придаст тебе смелости смотреть вперед. Ну же, примерь!

Она так и держит вешалку на вытянутой руке, и я, наконец взяв, захожу в ближайшую примерочную.

– Строго говоря, я сама уволилась, – запоздало отвечаю я. Но, наверное, Шернетт права: пусть эта вынужденная передышка будет шансом все изменить. Вот только в какую сторону...

* * *

– Эбс, это я, – окликает меня Ди, открыв верхнюю горизонтальную створку двери. А я, стоя перед зеркалом, никак не налюбуюсь твидовым костюмчиком. Еще никогда не носила таких люксовых шмоток. – Напомни, какой у нас бюджет?

– На новый гардероб – максимум восемьсот долларов.

До твидового костюмчика я сказала бы пятьсот, однако выбор Шернетт заставил меня чуть раздвинуть рамки. Оплатив шесть месяцев аренды, я разделила оставшиеся сбережения на развлечения (хоть и мало куда хожу) и оплату счетов. Ну и на одежду немного оставила. И теперь, после сегодняшнего транжирства, работу надо найти не «быстро», а «вчера».

Ди вешает на дверцу пару брюк-капри сочного синего цвета. Я клюю на приманку, и сестра протягивает вдобавок шелковую кремовую блузку без рукавов. Я беру и ее.

– Ты когда-нибудь слышала о капсульном гардеробе? – интересуется Ди.

* * *

Наконец мы выходим из «Блумингдейлса». Деньги, выделенные на одежду, почти кончились, зато теперь у меня есть ключевые элементы того, что Ди назвала капсульным гардеробом: небольшой набор вещей, которые можно по-всякому комбинировать и создавать множество образов на все случаи жизни.

– Уму непостижимо, сколько денег я с вашей подачи ухлопала на одежду! – вздыхаю я. Мы неспешно бредем по Пятой авеню в сторону «Мэйсис» на Тридцать пятой улице.

– И на макияж! – добавляет Шернетт. – Встречай, мир, новую Эбби Митчелл! Смелую, яркую, готовую к своим лучшим годам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.